

#PHINEMORE

Варяжка

СЛЕД НА СНЕГУ

SERAPHINE NEVILMORE

СТАРОСЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

ХОРРОР

ТРИЛЛЕР

ПСИХОЛОГИЯ

18+

Серафина Невильмор
Зарянка. След на снегу

«Автор»

2026

Невильмор С.

Зарянка. След на снегу / С. Невильмор — «Автор», 2026

Иногда я просыпалась ночью и не понимала, где я. В темноте, среди чужих стен, с запахом дыма и старого дерева вместо привычного городского шума. Я ловила себя на мысли, что всё — сон. Что вот-вот открою глаза в своей комнате, в своём мире, где нет Вечной Зимы, где не нужно держать меч, чтобы защитить тех, кто стал тебе семьёй. Но реальность каждый раз возвращала меня обратно холодным воздухом, тяжестью ран, именами, которые я произносила шёпотом, как заклинания. Я пришла сюда случайно. Или не случайно? Я до сих пор не знала ответа на этот вопрос. Но с каждым днём я всё больше чувствовала, что этот мир был моим задолго до того, как я ступила на его землю. Что-то тянуло меня сюда, что я не могла объяснить словами, но чувствовала каждой клеткой своего тела. И, когда я вспоминала ту ночь, когда всё началось, я понимала, что это был не просто переход из одного мира в другой. Это был чей-то зов, на который откликалось моё сердце.

© Невильмор С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дар и проклятье.	5
Глава первая. Сон или явь.	8
Глава третья. Не диво же ты.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Серафина Невильмор

Зарянка. След на снегу

Пролог. Дар и проклятье.

Моя первая смерть пришла незадолго до совершеннолетия. Не вняв запретам маменьки с папенькой, я пыталась ведать то, чего ведать не надлежало, за что и поплатилась вечным небытием. Но как могла я пребывать в покое, когда дар видения, доставшийся мне от матушки, сулил погибель всему народу нашему? Зреть смерть дорогих моему сердцу людей наяву — не было у меня на то ни сил, ни желания. Потому я и решила: раскрою правду, что сокрыта под вековой метелью, а затем найду способ всех спасти.

С младых лет любила я сказы да преданья. Нянечка моя частенько сказывала их мне на сон грядущий, поглаживая по головушке. И одним из самых любезных сердцу был сказ, почти что былина, о Первом Князе Велемире и Тёмном Чародее.

И была в ту пору, когда солнце ещё ласкало северные земли Вельска, сага о добром молодце Велемире. С юных лет отличался он силой богатырской да мудростью не по летам. И когда Чародей Тёмный, Деймос, пришедший из миров иных, возжелал пожрать светлые земли, именно Велемир, отрок шестнадцати зим, встал на его пути.

Семь дней и семь ночей длился их поединок у Чёрных скал. Молнии Деймоса рассекали небо, но щит чистый Велемира, выкованный из утренней зари, отражал чары тёмные. В конце концов, вонзил юноша в сердце чародея клинок серебряный, напоенный росой жизни. Поверженный, но не сокрушённый, Деймос прошипел: «Вернусь я, когда волосы твои поседеют, а сила станет памятью. И возьму своё тогда».

Прошли годы. Стал Велемир правителем мудрым, а сын его, Добромир, возмужал — сильным да благородным, как отец в юности. Земли Вельска под их дланью процветали. На площадях звучали песни, а в долгие вечера сказители слагали былины о подвигах.

Но однажды, в день солнцеворота зимнего, когда тени длиннее всего, вернулся Деймос. Явился он не как прежде, а воплотившись в самую тьму межзвёздную. Велемир, уже седовласый, но всё ещё могучий, взял щит свой старый да клинок. Рядом с ним встал Добромир с мечом, отцом выкованным.

— На сей раз пойду не один, и поражение твоё будет окончательным, — молвил Велемир.

Бой закипел у границ княжества. Обрушил Деймос на героев всю мощь тьмы, что копил десятилетиями. Отец и сын сражались как единое целое, чары светлые их сдерживали натиск. Но в миг решающий, когда клинок Велемира уже касался сердца чародея, применил Деймос заклятье коварнейшее — обратил силу любви их родственной против них же. Велемир, дабы сына уберечь, принял удар смертельный на себя. Добромир, видя отца падающего, на миг бдительность потерял — и второй удар поразил его.

С последним вздохом прошептал Велемир: «Прости, сын мой... Не уберёг я ни тебя, ни землю нашу...».

С гибелью воинов светлых, что Вельск защищали, победил Деймос. Но и сам был столь истощён, что насладиться победой не смог — сила его вырвалась из-под удержа и обратилась в Лес Вечный, а сам он затерялся в глубине его.

И установил Деймос закон последний, самый жестокий: отныне в Вельске запрещены песни. Ибо в песнях жила память, в напевах — надежда, а в словах — сила, могущая пробудить землю ото сна. Любая мелодия, кроме завывания ветра в ветвях, любая попытка спеть — даже дитю колыбельную — каралась мгновенно: голос замирал в горле, а сердце льдом сковывалось.

С тех пор погрузился Вельск в молчание гробовое, нарушаемое лишь скрипом снега да стуком дерева о дерево.

С той ночи морозный купол накрыл земли северные. Лес бескрайний, леденящий душу, вырос за единоечасье, отрезав Вельск от княжеств иных. Деревья здесь растут не как в лесах простых — ветви их сплетаются в завесу плотную, что свет солнечный не пропускает, а стволы стоят столь тесно, что и десятку молодцов не обхватить.

Прошли поколения. Жители Вельска позабыли, что есть за пределами мира их заснеженного. Лишь старейшины шёпотом, озираясь с боязнью, пересказывают сагу о Велемире и сыне его, добавляя в конце предостережение таинственное:

«Есть в глубине Леса Вечного грань невидимая, где пали воины светлые. Никто не ведает, как её распознать, но те, кто приближался, сказывали о внезапном холоде в сердце да шепоте, подобном предсмертному вздоху. Потщишься перейти — ждёт тебя кончина. Ибо длится там до сей поры тот бой последний, и тьма Деймоса стережёт своё давнее торжество».

Говорят, в ночи особо тихие да морозные, коль прислушаться, из чащи леса доносится звон мечей да голос тихий, вторит: «Берегите память... берегите...». Но кто дерзнёт поверить?

Но я поверила сему, и даже однажды, отроковицей малой будучи, сама услышала. Хотя нянечка моя говаривала, что то — лишь байки старые, а Вечная Зима над нами — оттого, что стоим мы на самом краю Севера. И с той поры запала мне в душу дума об истории нашей. О том, как явилось княжество наше и как сплетено судьбой с иными, что по соседству. Ибо не едины мы в сей доле лесной. Есть ещё два — Шельмск да Морозовск, что делят с нами одну участь. Оттоле частенько наезжают женихи, за коих отдают девок не обручённых.

А ещё любо мне было ведать, что лежит там, за Лесом-то. Поговаривают, будто зима там не вовек, а сменяют её иные времена: и Весна-красна, и Лето тёплое, и Осень щедрая. Всякая по-своему хороша, славится красотой своей. Люди же тамошние не вечно в тулупах тяжких ходят, а могут и в одном сарафане по полю пройти, и в реке искупаться. И птицы там иные, поют так заливисто, не в пример нашим немым. И мечталось мне страстно ступить туда, где солнце светит да ласкою своею греет, где птичий гомон вещает приход Весны, где можно побежать по траве зелёной, да вдыхать воздух тёплый, что не режет, а ласкает лёгкие.

Искала я долго-долго способы одолеть Зимы Вечную, вернуть нам утраченные времена. Книг премножество перечитала, к ведуньям ходила, у старейшин легенды древние выпрашивала. И пришла я к мысли, что спасение наше — по ту сторону леса. Там, где времена чередуются по заведённому порядку. И вот, по прошествии многих лет, отыскался ответ, коим можно чары Деймоса низложить. Оставалось лишь дух собрать да в путь-дорогу снарядиться.

А когда до моего совершеннолетия оставались недели считанные, когда уж стали подыскивать мне жениха, я отважилась. Ибо было мне видение, что придёт опять Колдун Тёмный, и придётся чад в жертву приносить, дабы вымолить пощаду у него, и чтобы слуги его, кои любят меж простым людом таиться, не кошмарили народ. Не мешкая, собрала я узелок, положила в него хлеба, пирожков несколько да бурдюк с водой. Оделась в одеяние самое тёплое, накинула кафтан свой лучший. И двинула ночью в путь — сквозь сугробы по пояс, сквозь лес под вой ветра да волчий протяжный вой, при свете месяца, что дорогу мне освещал.

В лесу том были метки, кем-то давно оставленные — ленты цветные да кресты, на деревьях вырезанные, показывающие, до куда ходу нет запрету. Где кончались они — там, сказывали, близко уже Граница. И вот стою я ныне у последнего древа, на суку коего алая лента трепещет. Сердце забилося, как птица в клетке, а вокруг будто похолодало ещё, снег гуще повалил, и сама атмосфера стала гнетущей, полной ужаса. Долго я не решалась шаг ступить вперёд. Но вспомнилось мне то видение, и я, собрав всю волю воедино, двинулась. С каждым шагом будто глубже в снег проваливалась, а ветер так и норовил отбросить меня вспять. Но я не отступала — шла вперёд, упрямо.

Остановилась я, дабы перевести дух. Каждый шаг силу немалую отнимал, и пробираться сквозь снежную толщу становилось всё тягостней. Вдруг неподалёку раздалось рычание грозное — и сердце моё замерло. Я остолбенела, горло пересохло. Медленно повернула голову на звук... и ужаснулась: меж елей, невдалеке, стоял волк огромный, чёрный. Туловище его было непривычно долгим, а лапы впотьмах легко было бы счесть руками человеческими. И если б встал он на дыбы... От человека его лишь уши да очи отличали — светились в темноте они, как два белых уголька. И рост бы его превысил любого молодца в нашем княжестве.

Леденящий ужас сковал всё тело моё, и я не могла и дрогнуть. А тварь меж тем приближалась. Оскалила пасть, и с клыков её стекала слюна, смешанная... с чьей-то кровью. Что же делать? Бежать — не бежишь, ноги в снегу по самую пазуху вязнут, с первого же шага рухнешь. Но и оставаться на месте — верная погибель. Пока я металась в сих думах, волк уже прыгнул, сбил меня с ног и навис сверху. Морда его, зловещая, оказалась в пяди от моего лица, и я уже простилась с жизнью. Зверь завыл, запрокинув голову, и меня внезапно, неодолимо потянуло в сон. Веки отяжелели сами собою, и через миг сознание покинуло меня. Последнею мыслью было лишь: «Не хочу умирать»

Не ведаю, сколь долго пробыла я в сем забытии, но очнулась от прикосновения чужого к моей плоти. Прикосновения прямо к коже. Я резко раскрыла очи и дернулась, но руки мои были пристяжены к изголовью ложа, равно как и ноги. А надо мной склонился мужской облик, в коем взгляд первым делом выхватывал шрам, что бежал от угла уст с правой стороны. А очи его не серые, а цвета стали. Стали темной, закалённой. И в них — лишь холод, насмешка, немая угроза и безумие. Ни искры сострадания или благородства. Походил он на тех слуг Тёмного Колдуна из моего видения, что пугали народ и навещали женщин, дабы творить над ними бесчинства

Ладонь его принялась обводить грудь мою, и я поняла, что лежу перед ним почти нагая, с порванной одеждой, которая едва ли прикрывала сокровенное. Он усмехнулся, облизнул губы и продолжил своими цепкими, чужими руками исследовать мое тело.

— Отпусти — вымолила я, и по щекам моим, предательски, потекли слезы. Пыталась вырваться — тщетно. Связана была накрепко. А он все продолжал, забавляясь моей трепетной дрожью. Руки его скользнули ниже, к стегнам. — Проклятый выродок! Престань сию же минуту! Ведаешь ли ты, кто я есмь?!

— Ведаю, — проговорил он, и голос его был подобен скрипу льда. — Давно уже за тобой пригляд был. Ты та самая девица, что пыталась разузнать про господина нашего, и дерзнула идти в Лес, дабы сыскать его погибель. И какого дерзновения достало, чтобы помыслить, будто тебе то под силу?

Он склонился к самому уху моему, дыхание его жгло кожу. Все тело мое сжалось в комок. Страшно. До костей страшно.

— Теперь ждет тебя кара, как и всех, кто правила преступает и Границу перейти жаждет. Советую отринуть стыд и насладиться, пока можешь, ибо после сего ждет тебя неминуемая кончина.

После сего он и вправду свершил то, о чем говорил. Через пару дней я уже почти забыла, кто есмь и зачем пришла. Еще через пару — умерла от клыков того же волка, что меня сюда и принес.

Так и оборвалась нить жизни моей. Не сподобилась я познать радостей ее, погнавшись за тем, что не во власти моей было.

Горько каюсь, что покинула любимых маменьку с папенькой. И уповаю, что не столь тяжело переживут они потерю мою, смогут жить дальше. Когда-нибудь, у Реки Забвения, свидимся мы вновь, и у них будет время побранить меня за безрассудство мое, а у меня — вновь молвить, как же крепко люблю я их.

Глава первая. Сон или явь.

Новый Год — это всегда про ожидание. Про мечты, что вот-вот сбудутся, и про детский смех за окном, про то самое, почти осязаемое ощущение счастья в кругу родных. Это суэта на кухне, где целый день пахнет готовящимся ужином, и родительские споры о том, как лучше накрыть на стол. Это мороз, узором выющийся на стекле, и истории бабушек и дедушек о том, «как встречали раньше». Кто-то в эту ночь начинает жизнь с чистого листа, кто-то молится, чтобы всё осталось как есть. Кто-то ждёт любви и свадьбы, а кто-то — душевного покоя, уже не веря в чудеса, как верят дети. Я стала из числа последних.

Это был первый наступающий год, когда я отчётливо чувствовала — то ли я уже выросла, то ли безвозвратно потеряла праздничное настроение ещё в подростковом возрасте. Восторга не было. На улице ни единой снежинки, дома — никакой возможности накрывать стол. Да и у людей вокруг лица были не счастливые, а усталые. И праздновать было не с кем. Или же я сама не хотела снова окунаться в атмосферу торжества. В довершение всего я умудрилась заболеть за несколько дней до Нового года. Не жизнь, а сказка. Правда, не волшебная, а горькая, как американо, который я так не люблю, но пью, чтобы взбодриться.

Температура зашкаливала под тридцать девять и пять, не желая спадать ни от таблеток, ни от чая с малиной и мёдом. Кашель душил так, что в приступах я почти задыхалась. О каком новогоднем настроении могла идти речь? Я расклеилась настолько, что в квартире воцарился хаос: разбросанные вещи, гора немытой посуды. Смотреть на это было тяжело, но сил прибраться — ноль. Лишь полумрак да призрачное сияние светодиодной ленты как-то скрывали это безобразие.

Телефон завибрировал, зазванивая прямо у изголовья. Благо, лежал рядом, нужно было лишь дотянуться. Я сначала посмотрела на экран. Сердце ёкнуло и тут же глухо забилося. Отвечать не хотелось. Ни капли. Но выбора не было — отказ только усугубил бы всё потом. Я поднесла трубку к уху, и в нём прозвучал тот же осточертевший голос, на этот раз заплетающийся от алкоголя. Я почти не вслушивалась. Поздравляли, кажется. Желали всего хорошего. Как же одновременно мерзко и нелепо. Я уставилась в потолок, в какую-то невидимую трещину между панелями, изредка роняя в трубку «угу», «хорошо», «поняла». Больше сказать было нечего. Любое моё слово тут же оборачивалось упрёком. И даже такие нейтральные слова спровоцировали обиду. Меня называли ужасным человеком, который ничего не ценит. Я лишь тихо согласилась с этим, кое-как пробормотав ответное поздравление. С той стороны трубки что-то рывкнуло — и связь прервалась. В ухе ещё несколько секунд тягостно гудело, пока я не опустила руку с телефоном на одеяло.

Скоро должны были прозвенеть куранты, возвещая о новом годе, а моё тело изнывало от жара. В горле пересыхало, не было сил даже встать и налить воды. Сдавшись, я тяжело вздохнула и прикрыла глаза. Отчаянно хотелось, чтобы всё это прекратилось — и не только болезнь. Вся жизнь шла наперекосяк. На работе не клеилось с коллективом, общение с друзьями и роднёй сошло до самых стандартных тем, а о романтике и речи быть не могло. Последние отношения оказались самыми тяжёлыми, оставив после себя глухое недоверие ко всякому, кто посмеет проявить симпатию. Или это я разучилась чувствовать? Или просто цепляюсь за прошлые страдания, не пуская в жизнь ничего нового? Да и к чёрту — проблем и без этого хватало, и все они требовали какого-то решения.

Так хотелось вернуться в детство. В то время, когда не надо было думать ни о чём, кроме подарка от Деда Мороза под ёлкой; когда мама рассказывала на ночь сказку о зимнем волшебстве, а папа утром первым вставал, чтобы согреть чайник для семейного чаепития с конфетами. Когда во дворе лежали сугробы, и можно было играть в снегу до тех пор, пока не продрогнешь до костей. И даже тогда не хотелось идти домой, так что маме приходилось затаскивать меня

внутри почти силой и отогревать в тепле. Она ругалась за промокшую одежду — боялась, что я заболела. И тогда всё было простым, наивным, сказочным... Взрослая жизнь со всеми её проблемами казалась чем-то очень далёким.

Вспоминая это, я даже не понимала, как дошла до того, чтобы чувствовать себя абсолютно ненужной, вечно загонять себя в угол плохими мыслями, видеть только дурное в каждом жесте окружающих. Может, виной всему детские травмы — ведь, несмотря на светлые моменты, плохого тоже хватало. А может, я просто возвела себя в роль жертвы, и пора бы уже прекратить это и взяться за ум.

Не знаю. Я очень давно ощущаю себя одинокой.

Но я так сильно хочу, чтобы все страдания

просто

в один миг

исчезли.

Хочу быть любимой и нужной.

Даже если виной всему я сама.

Пусть тогда исчезну я.

Прозвучал короткий, будто ледяной, звон колокольчика. И в тот же миг стало невыносимо холодно: щёки болезненно защемило, сверху начало падать что-то мокрое и холодное. Я резко распахнула глаза и поняла, что лежу в снегу, а вокруг — незнакомый лес. От неожиданности перехватило дыхание, и несколько секунд я только бессмысленно водила взглядом по заснеженным елям. Неужели температура так бьёт по голове, что начался бред? Да ещё такой явственный, будто и впрямь не в постели, а где-то на морозе. Я ущипнула себя за руку. Резкая боль заставила поморщиться. Значит, не бред. И не сон.

Тогда что это? Как я здесь оказалась?

Я моргнула ещё несколько раз, пытаюсь стряхнуть снежинки с ресниц. Картина перед глазами не менялась: тот же заснеженный лес, ни души вокруг, ни единого звука. Казалось, даже звери попрятались или вовсе отсутствовали.

Собрав все оставшиеся силы, я попыталась встать. Первая попытка, вторая — провал. Лишь на третью мне удалось кое-как подняться. И тут же накрыло новой волной холода — пронизывающего, до костей, будто на дворе все минус тридцать. Может, так оно и есть: даже руки стали покрываться тонкой коркой инея. Воздух был таким морозным, что обжигал лёгкие, превращая каждый вдох в испытание. В одной лёгкой кофте на футболке, домашних штанах и носках — тут далеко не уйдёшь.

Нужно было найти укрытие. С каждой минутой снег, казалось, усиливался, а холод наступал, сжимая ледяными тисками. Меня била дрожь, пробирая до самых костей. Еле перебирая онемевшими ногами, я поплелась через сугробы, не зная даже направления. Главное — не останавливаться. Остановиться — значит замёрзнуть навеки.

Господи, что это за место...

Я шла, проваливаясь в снег всё глубже. Одежда промокла насквозь и тянула вниз ледяной тяжестью, но я не сдавалась. Нужно было найти хоть какое-то укрытие от этой разыгравшейся метели, попытаться развести костёр, иначе обморожение и потеря конечностей станут не пустой угрозой, а суровой реальностью.

Не знаю, сколько я так брела. Несколько минут или, быть может, час. Время растянулось, превратившись в ледяную вечность. Дико хотелось укутаться в десяток пледов, выпить горячего чая и прижаться к батарее. И спать. Спать больше всего. Но этого делать было нельзя — нужно держать себя в руках. Только как держать, когда уже не чувствуешь ни рук, ни ног, а ветер бьёт с такой силой, что вот-вот сметёт?

И он сметает.

Я резко падаю в снег лицом вниз. Пытаюсь подняться — тщетно. Тело больше не слушается, стало чужим, тяжёлым грузом. Веки наливаются свинцом и неумолимо смыкаются, а сон окутывает тёплым, обманчивым покрывалом, не оставляя шансов на сопротивление. Уже нет сил бороться.

Но перед тем, как окончательно провалиться в небытие, я замечаю вдали смутный силуэт и слышу приглушённый, будто сквозь вату, чей-то крик.

И вот я оказалась где-то в полной, беспросветной тьме, паря в невесомости. Идеальное место, чтобы наконец вспомнить свою жизнь и кануть в небытие.

Если подумать, моя жизнь всё это время не имела никакого смысла. Да и я ничего не делала, чтобы что-то изменить, лишь плакалась о том, как всё плохо.

Или...

Нет. Так обычно говорят те, кто смотрит со стороны и не знает о внутренней борьбе. Я пыталась. Я перепробовала столько способов изменить свою жизнь, что давно сбилась со счёта. Каждый раз судьба будто насмехалась надо мной, выхватывая почву из-под ног. Я сама загоняла себя в клетку сожалений и ненависти, где негативных мыслей становилось всё больше, а желания жить — всё меньше. С каждым годом, нет, с каждым месяцем мне становилось хуже. Я перестала делиться с близкими, боясь стать обузой. Выстраивать новые связи казалось невозможным — мешало недоверие. К людям? Или к себе?

Я ходила на терапию. Мы с психологом разбирали по камешкам всё, что творилось в моей голове, прорабатывали старые раны. Мне прописывали лекарства, чтобы дать передышку от собственных мыслей. Но ничего не помогало по-настоящему.

Я пыталась отвлечься: искала хобби, находила временных спутников, смотрела фильмы, играла в игры. А потом бросала всё с чувством глубочайшего отвращения и усталости.

Даже простейшие вещи, такие как: встать с постели, перекусить, умыться — давались с невероятным трудом. Бытовуха стала неподъёмным грузом. Сон перестал приносить отдых, он лишь высасывал остатки сил. Часто хотелось просто заснуть и не проснуться.

И вот, кажется, это желание наконец исполняется. Не придётся снова открывать глаза с тяжёлым сердцем. От этой мысли что-то кольнуло внутри, и вдруг вспомнились маленькие племянники. Я больше не увижу, как они растут. Не услышу их смех, не смогу обнять... Как они там без меня?

«Пора просыпаться».

Незнакомый голос выдёргивает меня из небытия. Я с трудом разлепляю веки. В ноздри бьёт терпкий запах травяных благовоний, смешанный с ароматом древесины и... кажется, свежей выпечки. В полумраке сложно разглядеть помещение. У стены тлеет огонёк в небольшой печурке или камине.

Пытаюсь пошевелиться — тело отвечает тупой, разлитой болью. Но руку поднять, ноги согнуть — могу. Значит, не всё потеряно. Я выжила. Осталось понять, где я и как сюда попала. И не только в эту комнату, а вообще в это место.

Пересилив себя, я кое-как села на кровати. Одеяло, шурша, соскользнуло на пол. Босые ноги коснулись прохладных досок, и я вздрогнула, поспешно втянув их обратно.

Рядом кто-то удивлённо ахнул. Я резко обернулась на звук. Глаза постепенно привыкали к темноте, и я смогла разглядеть фигуру женщины в кресле. Та вскочила и почти подбежала ко мне, осторожно протянув руку, чтобы прикоснуться к моей щеке. Я инстинктивно отстранилась, приподняв бровь. Женщина тут же всё поняла, убрала ладонь и, кивнув, зажгла свечу, поставив её на ближайший столик.

Минуту царило молчание. И мы выпалили одновременно:

— Вы кто?

— Как ты себя чувствуешь?

Мы уставились друг на друга, застыв в немой сценке. Довольно забавно.

— Уж прости, девица, что сразу не представилась, — заговорила женщина, и в её голосе зазвучали мягкие, певучие нотки. — Я Марья, прислуга да главная нянечка у боярского рода Державиных. Велено мне присматривать за тобой, а коли какая перемена в здравии приключится — немедленно доложить господину. Рада я, что ты наконец очнулася, столько дён без памяти пребывавши. Может, чево изволишь? Водицы испить? — Она улыбнулась, и в её глазах отразилась неподдельная теплота.

Я опешила. Она говорила странно, непривычно: слова вроде бы русские, но звучали иначе — будто старинные, певучие, с отзвуком старославянского. В какое же глухое место я попала, если здесь до сих пор так разговаривают?

Но пить хотелось невыносимо — горло пересохло и саднило. Я кивнула, наблюдая, как Марья подходит к столику у кровати, наливает из глиняного кувшина в чашку и подносит её мне. Сделала несколько жадных глотков, пролив немного на себя — руки ещё не слушались и дрожали. Тонкая ткань ночной сорочки тут же прилипла к коже, вызывая мурашки. И только сейчас осознала, что на мне уже не было привычной футболки и штанов, а какая-то длинная белая сорочка из мягкой, простой ткани. Кто-то успел меня переодеть. Ладно, сама понимаю — иначе в мокром, заledenевшем белье было не выжить. Но на краешке сознания шевельнулась неприятная, щемящая мысль: значит, кто-то уже видел моё тело. Стало неловко и немного стыдно. Напившись, я облизнула губы, вытерла подбородок и протянула чашку обратно.

— Спасибо, — хрипло выдавила я. Женщина меж тем подбросила в камин дров, чтобы огонь не угас, потом вернулась, мягко уложила меня на подушку и укутала одеялом.

— Спи, милая, до утра ещё далече. Я буду рядышком. А коли заснуть не можешь, сказоньку расскажу, хочешь?

И, к своему удивлению, я действительно захотела. Прямо как в детстве. Бабушка с нами не жила, и видела я её редко, зато мама каждый вечер читала мне сказки. Я кивнула, уютно устроившись, и смотрела на Марью в ожидании. Та улыбнулась той же материнской улыбкой, и я стала слушать. Сон подкрадывался медленно и нежно, пока наконец не накрыл с головой. А за толстым стеклом окна, в крошечной тьме, неистовствовала метель, яростно раскачивая ветви старых елей.

Я сама не понимала, почему отнеслась ко всему так спокойно. Я в незнакомом месте, в чужом доме, рядом — совершенно незнакомый человек. Но почему-то пила из её рук и засыпала под её присмотром. Бесстрашие? Или безрассудство? Но мне было комфортно. Безопасно. Словно этой женщине и, может быть, другим в этом месте можно доверять безоглядно.

Надеюсь, я не ошибаюсь.

Утром я встала с первыми петухами — в прямом смысле. Пернатый надрывался так, что мёртвого поднимет. Давненько я такого не слышала. Потёрла глаза, села и наконец смогла как следует осмотреться.

Комната была просторной, вся из дерева: полы, стены, потолок, мебель. У кровати — столик с кувшином воды и кресло. Напротив — печка, в которой огонь уже погас, отчего в воздухе висела лёгкая прохлада, заставившая меня поёжиться. Чуть левее стоял большой сундук с серебряной окантовкой и зеркало в тяжёлой раме. Посередине комнаты лежал узорчатый ковёр в красно-зелёных и золотистых тонах. Пространства было много — хоть ещё мебель ставь. Я уже начала мысленно его обставлять, как за дверью послышались шаги. В комнату вошла Марья, неся в руках сарафан и пару лёгких ботинок.

— С добрым утречом, девица. Боярин с боярыней изволят видеть тебя за завтраком. Помогу тебе искупаться да переодеться.

Дальше всё произошло быстро и как-то непривычно: она купала и переодевала меня под мои тихие, но настойчивые причитания: «Я и сама могу!»

Перед выходом я взглянула в зеркало и едва узнала себя.

Мои тёмные кудри были убраны в тугую, аккуратную косу. А сарафан... Он был простым, но в этой простоте сквозила благородная, не деревенская стать. Сшитый из мягкого льна, он переходил от белого к нежному светло-голубому, словно летние облака на рассвете. По подолу, вырезу и лямкам бежал сияющий белый орнамент — строгие ромбы и стилизованные ветви.

Но самое удивительное было не в ткани, а в том, как наряд сидел. Он не стеснял движений, мягко ниспадая от груди. А широкий пояс-тесма, завязанный сложным, особым узлом, подчёркивал талию, делая силуэт удивительно стройным и завершённым. Казалось, этот наряд был сшит именно для меня, храня в своих складках память о древних лесах и чистых реках.

Поверх Марья надела на меня короткий кафтан — так она его называла. Он был лёгким, до бёдер, и сшит из тонкой ткани, отливавшей, как иней на утреннем солнце. Узкие рукава собирались у запястья изящной сборкой. А по краям — по подолу, вороту и обшлагам — бежала вышивка: не жемчугом, а шёлковыми нитями, серебристо-голубыми, как акварель. Узор здесь был иным: тончайшие ветви папоротника и колокольчики ландышей, будто эхо строгой геометрии сарафана, ожившее и дышащее. Когда я двигалась, полы кафтана слегка разлетались, и в этом движении мелькали серебристые всплески, точно отблески неба на лесной воде.

А потом мы направились в покои, где господа принимали пищу. И чем ближе была дверь в зал, тем сильнее сжималось сердце. Вдруг они не такие добрые, как Марья? Зачем вообще разрешили чужой девушке остаться? Не заставят ли делать что-то неприятное? А если я скажу что-то не так? Марья, заметив мою тревогу, ласково погладила по голове прямо перед входом.

— Не бойсь, милая. Всё будет хорошо.

Я ей поверила. Но где-то глубоко внутри маленький холодный комочек тревоги так и остался.

Мы вошли в зал.

За длинным дубовым столом уже восседали хозяева. Боярин, как и полагается главе семьи, — на одном конце, его супруга — на другом. Их взгляды, тяжёлые и оценивающие, упали на меня. По спине пробежал холодок, я невольно прикусила губу, а взгляд забегал по помещению, ища точку опоры. Марья поклонилась в почтительном молчании и вышла, оставив меня наедине с этой тишиной. Она была густой, давящей. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно в каждом углу зала.

— Присаживайся, чево стоишь, дитя? — раздался низкий, основательный мужской голос, от которого я вздрогнула. На ватных ногах я подошла к скамье и опустилась на указанное место. Стол ломился от яств — здесь было столько незнакомых блюд, что глаза разбегались. — Хорошо ли себя чувствуешь? — продолжил боярин. — Хоть мы и успели доставить тебя в усадьбу до полного замерзания, но метель — не шутка. Беспокоюсь, не подорвало ли это твоё здоровье. Если тебе что потребуется...

— Ты даже не даёшь ей ответить, — спокойно, но твёрдо прервала его женщина, слегка хмурия брови. Меж них легла морщинка, которая не портила, а лишь подчёркивала её характер.

Мужчина умолк.

Боярыня была одета без вычурности, но с достоинством: платье-рубаха из плотного льна цвета крепкого чая, поверх — распашной кафтан из мягкой шерсти оттенка древесного угля. Светлые волосы убраны в тугую, безупречную косу. В этой целесообразной простоте, в каждом шве чувствовалась особая, суровая красота, перед которой меркли любые самоцветы. От неё веяло спокойной силой, порядком и несокрушимой волей. Теперь же она смотрела на меня, и в уголках её глаз затеплилась теплота, а на устах мягкая, почти материнская улыбка. Какой же она была красивой..

— Со мной всё в порядке, — прозвучал мой собственный голос, ровнее, чем я ожидала. — Только голова немного побаливает и руки дрожат. Спасибо за вашу заботу.

Главное — не запнуться, не опозориться с первого слова.

— Радостно мне на душе от твоих слов, — кивнул боярин, и его голос потеплел. — Но слышится, будто не из наших ты краёв. И одёжка на тебе была... не под стать нашим зимам. Расскажи, девица, как тебя зовут и откуда к нам пожаловала, не утеплившись?

Я нервно слотнула, уставившись в пустую деревянную тарелку перед собой. Что сказать? Правду? Что я лежала у себя дома в постели, а очнулась в их лесу? Сочтут за сумасшедшую или, что хуже, за лазутчицу. Нужно было что-то придумать. Но не врать... не до конца.

Я выпрямила спину и подняла глаза на боярина.

— Зовут меня Варвара. Варя. А помнить... я почти ничего не помню. Из-за того, что случилось, в голове — туман. Не помню, откуда я и как сюда попала. Помню только холод, метель и то, что очень хотелось домой. Сколько шла — одному Богу известно. Я бесконечно благодарна, что вы нашли меня, согрели и приютили. Мне... мне всё ещё немного страшно. Но я чувствую, что вы — добрые люди, и вам можно доверять.

Я выпалила это на одном дыхании, почти не думая. Поверят или нет — теперь дело за ними.

Боярин нахмурился, задумчиво потирая подбородок, и вопросительно взглянул на жену.

— Што ж... Время покажет, — размеренно произнесла боярыня, и её слово прозвучало как окончательный вердикт. — Оружия при тебе не было. Одёжка — хоть и странная, но не вражеская. К нам давно никто не приходил со стороны Леса, да и не так-то просто это сделать. Оставайся пока у нас. А там — видно будет.

После её слов атмосфера в зале смягчилась. Мы приступили к трапезе, хотя я ещё долго не решалась прикоснуться к еде, пока боярыня не сказала мягко, но властно:

— Ешь, дитя. Здесь никто не будет на тебя гневаться.

После завтрака боярин пригласил меня в свой кабинет. Или, точнее, в их общий: в комнате стояло два стола, расположенных недалеко друг от друга, и оба были завалены свитками, письмами и тяжёлыми книгами. Видимо, в этом доме главенствовали оба супруга. По ситуации в столовой это было заметно, но теперь я убедилась окончательно. Значит, боярин не только уважает свою жену — по тому, как он на неё смотрел, сквозила безмерная любовь и доверие. Интересно, такое равноправие только в их семье или здесь, в этом странном месте, это в порядке вещей?

Всё здесь, как и в остальных покоях, было из дерева — тёмного, благородного, украшенного искусной, почти живой резьбой, которая цепляла взгляд и заставляла разглядывать каждую завитушку. У дальней стены, неподалёку от двери, пылал камин, чьё тепло мягко расходилось по залу, отгоняя вечный холод за окнами. Справа от столов высились массивные шкафы. Их полки ломились от книг в тяжёлых кожаных переплётах и загадочных предметов, назначение которых мне пока было непонятно: то ли астрономические инструменты, то ли ритуальные сосуды. От самой двери до столов стелился длинный ковёр цвета лесного мха, узор на нём напоминал переплетение корней. На стенах, в резных рамах, смотрели суровыми взглядами предки нынешних хозяев — картины, хранящие память о прошлых хозяевах усадьбы. Где-то меж ними, как трофей и напоминание о законах этого мира, висела голова оленя с величественными рогами. А над самым камином, в месте почётном и самом заметном, был укреплён фамильный герб Державиных — щит с грозным символом, вычеканенный из темнёной стали.

Кстати, я до сих пор не знала, где нахожусь. Уловила лишь, что говор здесь — с отзвуком старославянского, общество делится на сословия, а зима не просто суровая — она вечная. Удивительно, как я отделалась без обморожений, бродя по такому лесу в одной футболке. Повезло невероятно. Меня также смущала странная, почти предупредительная доброжелательность хозяев. Я была желанным гостем, а не случайной незнакомкой, появившейся из ниоткуда.

И моей сомнительной истории о потере памяти они поверили с подозрительной лёгкостью. Я, впрочем, ответила им тем же — доверилась почти без сопротивления.

— Присаживайся, — мягкий голос боярыни выдернул меня из водоворота мыслей. Она указала на скамью у стены, рядом с низким столиком. Напротив стояла такая же скамья. Я поняла, что всё это время бессознательно смотрела в окно, за которым бушевала всё та же метель.

Я послушно присела. Пока обстановка располагала, нужно было осторожно задать вопросы.

— Возможно, вопрос покажется глупым, — начала я, нервно прикусывая губу, — но не могли бы вы рассказать... где я нахожусь?

Хозяева уселись напротив.

— Ты, дитя, находишься в княжестве Вельске, — начал боярин. — Правит им князь Юлиан с супругой Цветаной. Мы — род Державиных, бояре и верховные воеводы этого княжества. Я — и моя жёнушка. — Он кивнул в сторону супруги, и в его взгляде промелькнула гордость. — Как ты уже, верно, заметила, зима у нас — не гостья, а постоянная хозяйка. Мы рождены при ней и, думается, под её свист и умирём.

Я слушала, и каждое слово лишь усиливало внутреннее смятение. Княжество Вельск? Где это? Где-то за Уралом? В параллельной Сибири? Как меня, жительницу центральной России, занесло сюда? Может, это всё-таки бред? Или я окончательно сошла с ума?

— Сегодня на заре я с людьми отправился на промысел в лес, — продолжил боярин. — Там мы и нашли тебя, совсем замёрзшую и уже терявшую сознание. Дивом показалось — юная девица без должной одежды в нашем лесу, да ещё в такую пургу. Не по-христиански было оставить. Вот и принял решение привезти тебя сюда, с благословения моей женщины. Сперва думали, не из княжеств ли ты Шельмска или Морозовска. Но ты на их жителей не похожа. Черты лица скорее наши, вельские... но и отличия есть. Волосы, к примеру, у нас все прямые, а твои — кудрявые, как у жителей Морозовска. Стало нам любопытно, кто ты и откуда. Но коли не помнишь — не страшно. Время всё расставит.

— И ты, дитя, не думай, что мы каждого странника в дом пускаем, — мягко, но весомо вмешалась боярыня, когда муж закончил. — Обладаю я даром внутреннего зрения. Задолго до твоего появления было мне знамение: придёт, мол, дева из дальних краёв, зла не принесёт, и лучше её приютить да обогреть. Облик той девицы... был схож с твоим.

Брови мои сами собой поползли вверх. Понятно, что ничего не понятно. Я опустила голову, сверля взглядом узоры на столешнице, а потом потёрла переносицу, пытаясь собрать рассыпающиеся паззлы воедино. Я в непонятном месте, попала сюда непонятным образом, и меня приютили люди, которые видели меня во сне. Если судить по фантастическим книгам, меня магическим образом перенесло в другой мир. Зачем — неизвестно.

Переварить это было, с одной стороны, невыносимо тяжело. С другой — в самой глубине души, в той её потаённой части, что верила в чудеса, всегда теплилась мечта о таком повороте. Получается, в эту Новогоднюю ночь моё желание всё-таки исполнилось? Интересный, надо сказать, подарочек.

Передо мной стоял выбор: поддаться панике и метаться в попытках осмыслить необъяснимое или принять всё как есть и попытаться разобраться. Первый путь был бесплоден — он лишь усугубил бы моё положение и испортил впечатление, которое я, против всех ожиданий, сумела произвести. Поэтому я выбрала второй.

Хотя на душе скребли кошки. Осознание всей ситуации ещё не обрушилось на меня всей тяжестью, но я чувствовала, как оно подбирается, холодное и неумолимое. Ладно. Я ведь тысячу раз представляла себе нечто подобное. Значит, буду действовать так, как всегда мечтала в своих фантазиях.

— Позвольте ли вы, милостивые хозяева, остаться у вас ещё на какое-то время? — голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Сейчас только вы — те, кому я могу хоть как-то доверять. Я ничего не знаю ни о Вельске, ни о соседних княжествах, ваши обычаи для меня — тёмный лес. Так и беду на себя накликаю, ненароком нарушив какой запрет. Не обучите ли вы меня тому, что знаете сами? Обещаю быть прилежной и слушаться во всём!

С этими словами я встала со скамьи и, по какому-то древнему, полузабытому импульсу, приложила правую руку к сердцу. Для меня это был не просто вопрос — это был шанс. Шанс начать жизнь с чистого листа. Если в старом мире ничего не получилось, нужно цепляться за новую возможность здесь, изо всех сил.

Боярин с боярыней обменялись быстрым, понимающим взглядом, и на их лицах расцвели улыбки — не снисходительные, а одобрительные, полные своеобразной гордости.

И ещё до того, как день склонился к вечеру, было решено: я остаюсь в доме Державиных. Не как гостя, не как приживалка, а на правах ученицы.

Глава третья. Не диво же ты.

Первые дни в Вельске слились для меня в один сплошной, тягучий ком. Ни начала, ни конца, только удивление, смешанное с глухим страхом. Всё здесь было чужим: даже воздух пах иначе — не так, как в моём мире, где пахло асфальтом после дождя и выхлопными газами, а холодно, остро, с привкусом хвои и старого железа. Я просыпалась по утрам и несколько мгновений не понимала, где нахожусь: низкий потолок с тяжёлыми балками, стены из грубо тёсанных брёвен, окно, затянутое бычьим пузырьём вместо стекла, сквозь который пробивался мутный, серый свет. И только когда я слышала за стеной чужие голоса, незнакомую речь, мне приходило осознание: я больше не дома. Я не в своей квартире с пластиковыми окнами и центральным отоплением. Я в другом мире, в княжестве, где вечная зима, где даже летом, говорят, снег не тает до конца, а люди здесь живут так, как жили столетия назад.

Я помню, как в первое утро я долго сидела на краю постели, не решаясь встать. Половицы под ногами были холодными, даже сквозь толстые шерстяные носки, которые дала мне Марья. Я смотрела на свои бледные, непривычно пустые руки, без смартфона, и не знала, что мне с ними делать. Дома я просыпалась и сразу знала, чем займусь: проверить телефон, налить кофе, сесть за компьютер или пойти на работу. Здесь же всё делали слуги, и от этого безделья мне становилось стыдно. Я чувствовала себя лишней.

Одежда тоже была странной. Дома я носила штаны и футболки, иногда платья, но простые, лёгкие. Здесь же Марья подавала мне мягкие, тяжёлые ткани, расшитые по вороту и подолу, и я не знала, как к ним прикасаться. Сарафан оказался неудобным: он путался в ногах, когда я делала резкие движения, и я то и дело ловила себя на том, что одёргиваю подол, чтобы не споткнуться. В первый день я чуть не упала на лестнице, просто потому, что не привыкла к такой длине. Боярыня Деяна, заметив это, не сказала ни слова, лишь чуть приподняла бровь, но я всё равно вспыхнула, чувствуя себя неловкой, неуклюжей, как телёнок, впервые вставший на ноги.

И волосы. Длинные, кудрявые, которые я с детства не любила за то, что они всегда путались и требовали особого ухода. В своём мире я могла собрать в высокий хвост, и дело с концом. Здесь же я понятия не имела, что с ними делать. Марья, увидев мои мучения, принесла деревянный гребень с редкими зубьями и начала распутывать локоны с таким терпением, какого у меня никогда не было. Я сидела, чувствуя её пальцы на своих волосах, и поражалась, как она умудряется не выдирать их, не тянуть, а расплетать. Впервые я подумала, что мои волосы, которые я всегда считала проблемой, здесь могли бы выглядеть красиво. Когда Марья закончила и заплела мне тугую косу, я увидела своё отражение в тёмном полированном металле и не узнала себя.

Марья стала моим первым якорем в этом чужом мире. Она появлялась каждое утро с кувшином горячей воды и тихой улыбкой, которая не требовала ответа. Я привыкла к её всегда тёплым и шершавым рукам, пахнущим тестом и сосновой золой. Она не задавала вопросов, не лезла в душу, но при этом умудрялась знать, когда мне плохо. Однажды я сидела на подоконнике и смотрела на метель, чувствуя, как внутри всё сжимается от тоски. Марья подошла, молча положила мне на плечи шаль и села рядом. Мы сидели так долго, глядя на снег. Она ни разу не коснулась меня словами, но её присутствие было единственным, что не давало мне развалиться на части.

Лошадей здесь было много, и они были другими — крупнее, мохнатее, с длинными гривами. В моём мире я видела их только в кино или издалека. Здесь же кони фыркали и косили глазом, и я каждый раз вздрагивала, когда они проходили мимо. Слуги в конюшне переглядывались, глядя на меня, и я слышала их усмешки. Однажды я попыталась погладить одну из них,

кобылу с белым пятном на лбу. Она повернула голову и так громко выдохнула мне в лицо, что я отшатнулась и чуть не упала. Это было смешно, но мне было так стыдно.

Постепенно я начала узнавать и других слуг. Дородная Агафья, вечно ворчащая на всех в кухне, но при этом тайком подкладываявшая мне самые румяные пирожки. Её лицо краснело, когда я благодарила, и она отмахивалась: «Иди уж, иди, не мешайся». Молчаливый Богомил — конюх, который заговорил со мной только на третий день, протянув яблоко и сказав: «Держи, с лошадьми лучше ладить будешь». Он оказался прав: яблоко действительно помогло. Я перестала бояться гневной кобылы, когда поняла, что она любит сладкое. Богомил после этого стал бросать на меня одобрительные короткие взгляды, и это, пожалуй, было больше, чем похвала. Была и молоденькая Дуняша, которая постоянно роняла посуду и заливалась краской, но при этом умудрялась шепнуть мне на ухо сплетню о том, как Ярик вчера упал с лестницы, пытаясь изобразить воина. Я смеялась в первый раз за долгое время, и мы вместе хохотали, прижимая руки к лицам. В эти моменты я чувствовала, что становлюсь частью этого мира, пусть пока и на краю, но всё же частью.

Язык здесь был близок к моему, но с такими оборотами, что я то и дело теряла нить. Я слышала многие слова, но они ускользали от меня, как вода сквозь пальцы. Я боялась сказать что-то не то, ошибиться в ударении или в слове, и потому чаще молча кивала, и все вокруг, наверное, думали, что я немая или глупая. Боярыня Деяна, заметив мою робость, иногда специально замедляла речь, когда говорила со мной, и я была ей за это благодарна, хотя и не могла выразить словами.

Но самый удивительный поворот случился с Яриком.

Сначала я видела в нём только нахального обалдую. Он появлялся на моём пути, когда я меньше всего этого хотела: в коридоре, на лестнице, у колодца, и всегда находил повод задеть. «А чего это ты, воительница, сапоги не чистишь?», «Слышал, ты вчера десять выпадов делала. Это прямо подвиг». Его насмешки были похожи на уколы, но, когда я стала огрызаться, он вдруг перестал быть колючим. Он только приподнимал бровь, прятал усмешку в бороде и смотрел на меня с каким-то новым, почти заинтересованным любопытством.

Я и сама заметила, что ищу его взглядом. Иногда он появлялся на окраине площадки, когда я тренировалась, и я понимала, что слышу его шаги до того, как оборачиваюсь. Но упражнения он показывал мне без усмешки. Его руки были сильными, но движения осторожными; он никогда не касался меня дольше, чем нужно было поправить стойку, но в те секунды я чувствовала его дыхание на своём плече.

Однажды вечером мы сидели на бревне у конюшни, глядя, как метель утихает, и он вдруг сказал:

— А ты не така, яко я мнил.

— А какой ты меня представлял? — спросила я, пряча улыбку.

— Не ведаю. Бледной, немощной, прирученной к дому, поди... — Он помолчал. — А ты вон сражаешься, яко воин. И гневом пылаешь, и не изнемогаешь. Будто пламень в тебе огненный, кой ни снег, ни ветер, ни лихая стужа утолить не могут. И оттого боязно к тебе подступить, и неодолимо влечет, яко к светилу в ночи. Чудна ты, Варя, не такова, как иные жены.

Он произнёс моё имя так, будто пробовал его на вкус. И я вдруг поняла, что это первый раз, когда он назвал меня по имени, а не «девица» или «ты». Я задержала дыхание и почувствовала, как что-то хрустнуло в груди.

Еда была другой. Дома я могла купить что угодно в супермаркете или приготовить то, к чему привыкла. Здесь же на столе всегда стояло множество блюд: соленья, копчёности, заливное, какие-то пряные похлёбки, от которых у меня поначалу кружилась голова. Я боялась пробовать незнакомое, потому что не знала, как это есть, чем положено брать и в каком порядке. Однажды я взяла ложку не той рукой, и один из слуг за моей спиной усмехнулся. Я не обер-

нулась, но услышала, и с тех пор всегда смотрела, как едят другие, прежде чем начать самой. Это было унижительно — следить и копировать, будто я дитя малое, но я не знала, как иначе.

А ещё — запахи. В доме пахло иначе, чем я привыкла: деревом, воском, сушёными травами и чем-то сладким, пряным, что витало от горячих печей. Дома у меня пахло ароматическими диффузорами. Здесь же только запах кожи, дыма, и конского пота, смешанного с хвоей и какими-то травами. И, знаете, когда я впервые уловила запах навоза, смешанный с парным молоком, я чуть не задохнулась. Но через пару дней я перестала это замечать. Тело привыкало быстрее, чем сознание. Иногда мне казалось, что я задыхаюсь от этой чужой атмосферы, и я выбегала на улицу в холод, чтобы глотнуть того воздуха, который был похож на мой. Снег тоже был другим: сухим и колючим, как песок, и скрипел под ногами так громко, что казалось, я ступаю по стеклу.

Я помню, как в первый вечер меня позвали к столу вместе с боярами. Я не знала, как себя вести: кланяться ли, садиться ли сразу, говорить ли что-то. В моём мире я могла просто войти в какое-то кафе и сесть. Здесь же присутствует своя иерархия и строгость. Я села на самый край лавки, почти не касаясь её, и смотрела в тарелку, боясь поднять глаза. Боярыня что-то говорила, боярин отвечал, но я не слышала их, только своё сердце, колотящееся где-то в горле. Я чувствовала себя маленькой, недостойной сидеть за этим столом. В моём мире я была просто девушкой, которая ходила на работу, занималась своими делами дома. Но здесь я была никем.

Спустя время я поняла, что они не ждали от меня ничего особенного. Просто того, чтобы я была, ела, привыкала к местным обычаям. Однажды я попыталась встать из-за стола, чтобы уйти, и чуть не опрокинула кубок с квасом. Слуга усмехнулся, и почувствовала, как лицо заливается краской, и решила, что больше никогда не выйду из своей комнаты.

Но постепенно, день за днём, что-то начало меняться.

А потом начались тренировки.

Тяжёлый вздох. Я на мгновение прикрыла отяжелевшие веки, собираясь с усталым, но решительным духом. И шагнула вперёд к господам. Завидев меня, они сдержанно кивнули, тем самым приветствуя. Я сделала то же самое в ответ. Началась неторопливая, вдумчивая тренировка с объяснения основ, которые я внимательно, словно жадная губка, старалась впитывать. Теоретическая часть была более-менее понятна, но, когда дело дошло до суровой практики — было тяжело, до ломоты в костях. Сначала нужно было подкачать выносливость и силу, чтобы ненароком не проиграть в бою из-за нехватки этого всего. Так как я раньше ничем подобным не занималась, нужно было многое, почти всё, наверстать. Тем не менее, многие упражнения хорошо давались, за что я получила тёплую похвалу от Радомира и Деяны. Это придавало сил и хрупкой, но такой желанной уверенности. Нетерпеливо хотелось взяться за меч, но мне строго-настрого запретили к нему прикасаться, пока не будут достигнуты нужные результаты. Я сначала даже немного огорчилась, искренне и по-детски, но всё-таки приняла такое мудрое решение. Всё-таки они истинные профессионалы своего дела, а потому стоит прислушаться и делать так, как они говорят.

Потом начался изнурительный бег и долгий марш с переменной нагрузкой по промозглым утрам. Бегать нужно было по три чёртовых километра по лесным заснеженным тропам. Раз в седмицу — ускоренный марш-бросок на десять-двенадцать километров с тяжёлой сумкой, чтобы приноровиться носить снаряжение. Потом лазание по шершавой верёвке на высокое, вековое дерево и работа с весом собственного тела. Без этого, как сказали хозяева, не удержать стремительный темп боя. Туда же были добавлены резкие выпады, глубокие приседания, упорные подтягивания и отжимания. Постепенно начали добавляться тягучие подъёмы камня с земли до груди, утомительный перенос мешка на плече.

Думаете, мне всё так легко далось, и я стала подлинным мастером в этом деле? Как бы не так. Я взывала глухим, тоскливым воем, как только добавлялись все эти новые, дьявольские

упражнения. Тело болезненно ныло каждый раз после тренировок, даже горячая ванная не спасала от такой убийственной нагрузки. Поблажек мне не давали, да и я не просила. Стиснув зубы, двигалась вперёд, назло всему. С каждым разом был досадный провал, и я не дотягивала до нужной нормы, что меня очень сильно расстраивало. Благо хоть на лихие мысли перед сном не было даже сил — я буквально проваливалась в беспробудный сон, как только голова касалась прохладной подушки. При этом ещё и успевала ходить на занятия по грамоте и истории. Хоть там была небольшая передышка. И если по первости мне было скучно до зевоты, и я чуть ли не засыпала над берестяными грамотами, то сейчас мне очень нравилось, и седой учитель часто хвалил мои скромные, но верные достижения.

А потом я начала замечать, что Ярик стал появляться на площадке. Сначала я думала, что это случайность. Но на следующий день он стоял у частокола и молча наблюдал. На третий — подал мне мешок с песком, когда я возилась с подъёмом. «Держи так», — сказал он, поправляя мои пальцы на лямке. С тех пор он появлялся почти каждый день.

Он не только показывал упражнения, он начинал разговор. Сначала это были короткие, хриплые фразы, потом вдруг он спросил:

— Ты што, и впрямь хочешь сражаться?

— Правда, — ответила я, не сводя глаз с деревянного меча.

— Почему? — он наклонил голову, разглядывая меня с новым интересом.

Я не знала, что сказать. Как объяснить ему, что я и сама не до конца понимаю?

— Мне нужно научиться защищать себя, — сказала я наконец. — Иначе кто-то всегда будет решать за меня.

Он смотрел долго. Потом кивнул и протянул мне меч.

— Тогда не ужасайся. Я наставлю тебя, как не пасть в первой сече, как устоять, когда всё вокруг рушится, и как дышать, когда меч тяжелеет в руке.

С тех пор мы стали встречаться за конюшней, на пустыре, где никто не мешал. Он учил меня простым вещам: как держать меч, чтобы не выбило из рук, как ставить ноги, куда смотреть. Его голос становился спокойным, почти мягким, когда он объяснял. Это было так странно, потому что на людях он всё ещё подкалывал и язвил. Но здесь, в этом полумраке, между нами существовала совершенно иная тишина.

Однажды мы сидели у колодца, я пила воду, а он смотрел на меня, и вдруг я заметила в его глазах то же тепло, что и у Марьи. И в этот момент я поняла, что Вельск больше не кажется мне чужим. Потому что в нём есть люди, которые меня приняли.

Но кто же знал, что даже спустя несколько долгих, изнурительных месяцев должного результата не было и в помине. Да, я определённо выполняла больше упражнений, с трудом, но выполняла ту самую норму, только вот не для взрослого ратника — для малого несмышлёныша. И это лежало камнем на сердце. Я злилась на себя, на своё тело за то, что не могло превысить свой жалкий лимит, наконец-то добиться желанного результата. Не верила до последнего, что что-то выйдет. Неужели я и правда бездарность, ни на что не способная, пустое место? Нет. Точно нет, не бывать тому. Мне выпал такой редкий, судьбоносный шанс изменить свою убогую жизнь, чего-то достигнуть, а тут ничего не получается, хоть разрыдайся.

— Поздно уже тебе грамоте ратной учиться. Сперва бы стрельбе обучилась, али бы делами женскими занялась. Редко, когда из девиц кто воином достойным становился, да и те сызмальства ратному делу прилежали, дабы хоть малости достичь, — язвил Ярослав, пока я размахивала мечом да в стойки надлежащие вставала. — Куда тебе, неключимой, соваться? Столько трудов кладёшь, а проку нет. Оставь сие.

Я раздражённо выдохнула, остановилась и недовольно, исподлобья зыркнула в его нахальную сторону.

— И не подумай! Если я за что-то взялась, то доведу это дело до конца. Мне, — я решительно сократила расстояние между нами и, смотря снизу-вверх на его высокую, статную

фигуру, яростно, со звоном в голосе продолжила, — плевать, сколько попыток я предприму, прежде чем достигну результата. Провалюсь хоть тысячу раз, но добьюсь желаемого. И погоди, я утру тебе твой нахальный нос.

Уголки его пухлых губ коснулась ухмылка, он приподнял правую густую бровь. Насмехается. Но ничего против не сказал, ни единого словечка, а я под его тяжёлое молчание и пристальное, цепкое наблюдение просто продолжила дальше тренироваться, с ещё большим остервенением.

И тогда я психанула.

Сама не знаю, какой бес вселился. Накануне вечером я ворвалась к боярам, когда они ужинали, и выпалила всё, что накопело за эти месяцы. Что меня заел стыд. Что я не хуже других. Что дайте мне всего один бой — и я докажу. Боярин нахмурился, хотел что-то против сказать, но боярыня вдруг остановила его жестом.

— Пусть попробует, — сказала она спокойно. — Авось, гнев придаст крылья.

Она ошиблась.

Морозный пар клубился над тренировочной площадкой, где даже в полдень солнце не смело подниматься высоко — вечная зима княжества не отпускала своих. Под ногами хрустел утоптаный снег, перемешанный с опилками, а по краям тына стояли зрители. Боярин, закутавшись в медвежью шубу, о чём-то толковал с другими воинами. Рядом, чуть поодаль, застыла боярыня — в добротном стёганом поддоспешнике, с мечом у бедра и луком за спиной.

Я стояла напротив Доброслава, воина, который согласился проверить меня, и сердце колотилось где-то в горле. Ещё вчера никто не воспринимал меня всерьёз. Четыре месяца тренировок — и ни одного дня, когда бы меч слушался. Он то выскальзывал из вспотевших ладоней, то застревал в замахе, то шёл не туда, куда я велела. Дружинники давно махнули рукой, боярин лишь качал головой, а боярыня, та хоть и не насмехалась, но смотрела с холодным сожалением.

— По законам ратной чести, — молвил боярин, поднимая руку. — Сеча до той поры, доколе клинок из руки не упадет. Почните.

Доброслав не бросился. Он вообще редко нападал первым — позволял всегда это сделать другим. Я сделала выпад: рубящий в бок, потом ложный замах на плечо. Он уходил плавно, как позёмка, — переступал, наклонялся, и каждый раз его меч встречал мой ровно в той точке, где таилась моя ошибка.

— Шире шаг! — крикнула вдруг боярыня. В её голосе не было насмешки — только приказ.

Я послушалась, расширила стойку, попыталась достать Доброслава снизу. И почти получилось — кожа моего клинка чиркнула по его бедру, но он уже сместился, и удар пришёлся вскользь.

— Дыши, — бросил Доброслав. — Удерживаешь дух, оттого и руки каменеют.

Я попыталась выровнять дыхание. Ещё один выпад, потом круговой удар — он принял всё на свой меч, и дерево застонало под тяжестью двух сил.

— Не смотри на мой клинок, — продолжил он, отступая на полшага. — Глаза твои предают замысел. Смотри в грудь — оттуда все движения рождаются.

Я послушалась. И впервые за время боя действительно увидела его — как напряглось плечо перед выпадом, как пошла вперёд правая нога. Я успела перекрыться! Гул одобрения пронёсся среди дружинников.

А затем я замешкалась.

Всего на миг. На один короткий, проклятый вдох. Я поймала себя на мысли: «получается! наконец-то получается!» — и этот дурной, никчёмный восторг сковал руки быстрее любого мороза. Я не успела вернуть меч в защиту. Доброслав, заметив мою заминку, качнул головой — то ли с сожалением, то ли с укором — и вдруг пошёл вперёд по-настоящему.

Удар. Ещё удар. Ложный заход справа, и мой меч, не выдержав скручивающего движения, вылетел из онемевших пальцев. Я видела, как он кувыркается в морозном воздухе, как снег взмывается под ним, и как он падает наземь с глухим, обидным стуком.

Я стояла с пустыми руками. Горячая кровь стучала в висках, а ладони, только что сжимавшие оружие, вдруг показались чужими, ненужными.

И тогда из-за спины донеслось:

— А говорили, есть в ней искра... — сиплый шёпот одного дружинника.

— Четыре месяца — и тако? Мой племянник за две седмицы больше смыслил, — ответил ему другой, не скрывая усмешки.

— Тише вы, — осадил их третий, но в голосе его не было строгости — скорее, усталая насмешка.

Я не обернулась. Мне и не нужно было смотреть на них — я и так слышала всё, что они думают. И, главное, я знала: они правы. Потому что я корила себя в десять раз сильнее, чем они. «Дура, — стучало в голове. — Сама напросилась. Сама выклянчила этот бой. Угрожала, спорила, доказывала, что ты чего-то стоишь. А в итоге? Меч в снегу. И эти взгляды за спиной. Правильно тебе, правильно. Не лезь, не позорься. Никчёмная. Бездарная».

Снег под ногами больше не хрустел — он жёг, как угли. Я ненавидела себя в этот миг так сильно, что к горлу подкатил горький ком, но слёз я не дала. Не заслужила.

Доброслав опустил своё оружие. Он шагнул ко мне, поднял мой меч, стряхнул с него снег и протянул рукоятью вперёд. Молча. Без единого слова. И в этой тишине было что-то похуже насмешки — спокойная уверенность человека, который давно знал, чем всё кончится.

Дружинники притихли. Боярин кивнул — не мне, Доброславу.

А боярыня... она чуть склонила голову набок, встретила со мной глазами, и в её взгляде не было ни злорадства, ни презрения. Только тихая грусть — и тепло, которое почему-то ранило сильнее любого окрика.

— Ярость твоя сильна, дитя, — произнесла она негромко, но так, что я услышала сквозь морозную тишину. — Да только ярость без навыка — что пламя без хвороста: вспыхнет светло и тотчас погаснет. Сама ведаешь сие.

Она помолчала, поправила лук за спиной и добавила уже мягче, почти по-матерински, но с той строгостью, какая бывает у тех, кто сам прошёл через падения:

— Что ж, супротив не пойдёшь, голуба. Четыре седмицы лунные против шестнадцати зим — не диво же ты дивное.

Она не утешала. Просто назвала то, что есть — и в этой простоте было больше теплоты ко мне, чем в любых сладких речах. Потому что она не сказала «всё пропало». Она сказала «ты сама знаешь».

И я действительно знала.

Я молча поклонилась — сначала боярыне и боярину, потом Доброславу. Взяла свой меч, сжала рукоять до хруста в пальцах. Не поднимая глаз, развернулась и пошла прочь с площадки, чувствуя на спине десяток взглядов.

Снег искрился под ногами. В горле стоял ком, и слова Доброслава, сказанные мне уже в спину, настигли, когда я отошла на несколько шагов:

— Завтра — в тот же час. Не опаздывай.

Я не ответила, но всё-таки решила, что приду.

Я не сразу пошла в дом. Вместо этого я свернула за конюшню, к старому колодцу, где обычно пряталась от всех, когда становилось слишком тяжело. Я опустилась на мёрзлое бревно и уронила голову в ладони. Пальцы ещё дрожали от напряжения, и в голове всё ещё крутился тот проклятый миг. Как меч выскользывает из рук, снег взлетает под ним, все молчат, а потом смеются.

— Сидишь, яко мокрая курица на насесте. А баяла — нос утру. Я и не мыслил, что станется сие так вскорости.

Я не подняла головы. Просто сжала челюсти, чтобы не огрызнуться, и сказала в ладони:

— Отвали, Ярик. Не до тебя.

Он не отвалил. Он подошёл, постоял, потом сел рядом на ту же холодную колоду.

— Доброслав — парень крепкий, яко старый дуб. Его с первого разу никто не берёт, ибо сила в нём медвежья, а упорство — железное. Даже я, когда только меч в руки взял, три луны от него по снегу катился, яко колода. Никак не мог устоять, всё носом в сугроб, — сказал он, и я услышала, как он усмехнулся, но в этот раз не надо мной. — А ты, гляжу, дольше продержалась, чем я чаял.

Я подняла голову и зыркнула на него исподлобья.

— Ты это сейчас утешаешь меня, что ли?

— Я? Утешаю? — он скривился, как от лимона. — Просто тебе выкладываю, как есть, без прикрас и без жалости. Ничего личного, токмо чистая правда.

И вдруг он протянул мне что-то, завернутое в грязную тряпицу. Я развернула, а там лежал кусок ржаного хлеба с солью и кусочек сала.

— Ешь, — сказал он, глядя в сторону. — Ты с утра не вкушала, и то видно невооружённым глазом. Иначе бы не махалась, яко мешок с овсом на ветру.

Я хотела огрызнуться, но не смогла. В груди вдруг стало тепло. Я откусила, и он кивнул, поднимаясь.

— Приходи наутрие пораньше. покажу тебе, како делать тот уход влево, дабы не валиться лицом в снег. — Он уже пошёл прочь, но обернулся через плечо. — Токмо не сказывай никому, что я тебе помогал. Я ведь должен для тебя злодеем остаться, а не добрым молодцем.

Он улыбнулся впервые по-настоящему, и исчез за углом конюшни.

Лампада догорала. Масла в ней осталось на пару жалких вздохов — огонёк трепетал, бросал пляшущие тени на резные перегородки, на тяжёлый полог кровати, на высокое, почти до потолка, зеркало в тёмном дереве. Я сидела на краю постели, сжимая пальцами край одеяла, и смотрела в пустоту.

Снаружи выл ветер. По-зимнему, по-северному — протяжно, злобно, будто кто-то огромный водил ладонью по струнам перевёрнутой арфы. В оконце, затянутом пузырьём, едва мерцал холодный свет луны, и снег на подоконнике намело так, что он белой шапкой лежал с внутренней стороны — значит, щели старые, и княжеская зима пробирается даже в боярские покои.

В комнате пахло деревом, высушенными травами и чем-то чужим, давним. Не моим. Здесь всё было не моим. Меня оставили в этих покоях с самого появления. Лучше бы я спала в другом месте, на жёстких досках, среди чужого храпа и запаха щей. Тогда, может, и не было бы так стыдно.

Я легла, отвернулась к стене, подтянула колени к груди. Печь урчала, пересыпала жар из углей в тепло, и этот монотонный звук напоминал чей-то тяжёлый, усталый вздох. Мой собственный, наверное.

В голове крутилось, наматывалось на невидимое веретено: сегодняшний бой. Как замешкалась, как выпал меч. Как тихо засмеялись за спиной, как я чувствовала каждый кривой усмех, каждое покачивание головой. «Шире шаг!» — кричала боярыня. А я и шаг-то свой не умею поставить, куда уж шире.

Закрыла глаза — и тут же увидела свой клинок, кувыркающийся в морозном воздухе; удар о землю; снег, взметнувшийся белым облаком; и пустые ладони, которые ещё мгновение назад сжимали дерево и кожу, а теперь висели, как чужие, как ненужные придатки.

«Бездарность, — шепнуло что-то внутри. — Сама напросилась. Сама выклянчила. Наобещала с три короба — и в грязь лицом».

Я закусила губу. На глаза навернулись слёзы, но я не дала им волю — боялась, что если начну, то уже не остановлюсь. А плакать в чужой постели, в чужой комнате, где каждая половица помнит чьи-то чужие шаги, было почему-то страшнее, чем проиграть на площадке.

Я перевернулась на спину. Потолок тонул во мраке — только слабо поблёскивала позолота на паникадиле. Днём я не замечала этих излишеств, а по ночам они лезли в глаза, напоминали: ты здесь чужая. Твой удел — другой мир и четыре привычные стены. Тебя терпят. Пока терпят.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Когти впились в ладони, оставив следы. Я проиграла Доброславу — это было ожидаемо. Но дело даже не в нём. Я проиграла себе. Потому что в тот миг, когда замешкалась, я не просто ошиблась — я доказала всем, кто сомневался, что они были правы.

«Не лезь, не позорься. Женские дела — вот твоя стезя».

Сердце заколотилось быстрее, и в груди разлился тот самый гнев, о котором говорила боярыня. Горячий, бесполезный. Как огонь без дров.

— Ты не права, — прошептала я в темноту. — Ты не права, слышишь?

Но комната молчала. Только ветер за окном завывл протяжнее, будто соглашаясь с моими сомнениями. Печь постепенно затихала. Угли догорали, потрескивали в последний раз и превращались в седой пепел. Мороз подбирался к оконцу, рисовал причудливые узоры — ледяные папоротники, диковинные цветы, которых не бывает в этом княжестве с вечной зимой.

Я закрыла глаза. Сон не шёл — вместо него перед внутренним взором всё стояла сегодняшняя площадка. Снег. Меч, летящий вниз. Едкая усмешка Ярика, которую я невольно заметила.

— Завтра, — сказала я себе так тихо, что сама едва слышала. — Завтра снова

Но в голосе не было уверенности. Только усталость — та самая, что копилась несколько месяцев и никак не находила выхода.

Луна за облако спряталась, и в комнате стало совсем темно. Да и лампада, кажется, окончательно догорела — огонёк дрогнул, метнулся в последний раз и погас. Я осталась одна в чёрной, чужой тишине, и в этой тишине собственные мысли казались громче, чем когда-либо.

«Что, если они правы? Что, если я и правда ни на что не гожусь?»

Ответа не было. И, наверное, не будет. По крайней мере, самого утра, когда придётся снова взять меч и выйти на площадку, зная, что, скорее всего, повторится то же самое. Я натянула одеяло до подбородка.

— Завтра, — повторила я уже беззвучно, одними губами. И провалилась в тяжёлый, беспокойный сон, где всё та же рука выпускала меч снова и снова, а снег под ногами был чёрным, как пепел.

Мгновение, и я стою на поляне, каких никогда не видела наяву. Границы её были очерчены туманом — не плотной стеной, а скорее дымчатой, переливчатой кисеей, за которой скрывалось что-то огромное и незнакомое. Трава под ногами оказалась не зелёной, а серебристо-белой, и каждый мой шаг рождал в воздухе тихий, как выдох, звон. Воздух здесь был густым и сладковатым — пахло талой водой, первой листвой и чем-то неуловимым, отчего в груди разливалось странное, щемящее спокойствие.

Я не боялась. Хотя должна была, потому что не понимала, где нахожусь и как сюда попала. И тогда из тумана выступила девушка.

Она появилась бесшумно, будто соткалась из утреннего пара. На ней было длинное платье цвета молодой листвы. Такое живое, что казалось, по ткани бегут золотистые прожилки, как по листу на просвет. Волосы — длинные, русые с зеленоватым отливом, спадали на плечи и шевелились без ветра, словно сами по себе. Но самое необычное — её глаза. Цвета весеннего неба после дождя, очень светлые и глубокие, они смотрели на меня с мягким, чуть насмеш-

ливым любопытством. От неё исходила аура чего-то волшебного, но совсем не пугающего — тёплая, живая, как первое апрельское солнце на лице.

Она чуть склонила голову набок, улыбнулась краешком губ и произнесла тихо, но с такой интонацией, будто мы знали друг друга сотню лет:

— Интересная девица ко мне пожаловала, однако, — голос у неё оказался как ручей. Звонкий, текущий, с едва уловимым переливом.

— Не по своей воле, — ответила я и почему-то голос показался каким-то чужим.

Неизвестная девушка улыбнулась. Она сделала шаг ко мне, и трава под её босыми ступнями словно ожила — распустились крошечные белые цветочки, которые тут же сворачивались обратно.

— Давненько я не видывала кого-то из княжества Вельска, — начала она, неторопливо и с негромкой грустью разглядывая меня. — Столько зим минуло с тех пор, как на их землях навечно отпечаталась лютая, беспроглядная Зима. Детский смех там давно угас, и песни больше не звучат, не славят другие Времена Года. Совсем позабыли те деньки, когда не нужно было бояться, а можно было просто жить — по-честному и счастливо.

Я приподняла правую бровь. В груди, у самого сердца, кольнуло — болезненно, но коротко, словно укол тонкой сосновой иглой. Я не стала заострять на этом внимания. Почему-то казалось: сейчас не время для вопросов. Сейчас нужно просто слушать.

— Раньше там царило счастье, — тихо продолжила девушка, и в голосе её зазвучала тягучая, как мёд, неспешность. — Ты бы видела, как они встречали меня. Как только таял снег, оголяя проталины, все выходили в поле — и стар, и млад. С песнями, с алыми лентами в косах, с первыми подснежниками на ладонях. Пекли жаворонков из теста — румяных, быстрых, будто вот-вот вспорхнут. Дети бегали по тёплым проталинам босиком и звонко звали меня: Весну-Красну. А потом провожали до следующего года. И лето встречали с размахом, и осень — с тихой благодарностью. Водили хороводы до самого первого снега. Я любила наблюдать за ними из-за кромки леса: как горят костры, как пляшут девушки в венках, как парни соревнуются в удали и силе. А теперь — тишина И только завывание метели.

На её лице я отчётливо заметила тоску по чему-то давнему, почти забытому. По тому, что безвозвратно утеряно, но всё ещё отзывается в душе теплом, как уголёк, тлеющий под пеплом.

За всё время, что я провела в Вельске, я успела узнать их историю. И мне было непонятно: почему былина о Велемире и Деймосе считается у них всего лишь детской сказкой? Ведь это и есть их настоящая история — то самое начало, от которого тянутся нити ко всему, что происходит сейчас. Я так привыкла встречать в книгах, что подобные сказки всегда оборачиваются правдой. Чаще всего — в самом конце, когда главный злодей уже повержен. Или в середине, когда герой отчаянно пытается докопаться до истины.

Девушка неожиданно оказалась совсем близко. Я даже не заметила, как она шагнула ко мне. Её пальцы, прохладные, но не ледяные, словно первый ручей после оттепели, коснулись моей щеки. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, как осенняя паутинка. Я не отпрянула. Совсем не хотелось.

— Знаю, дитя Финиста, что ты не из наших краёв, — выдохнула она, и глаза её засветились изнутри мягким, весенним светом. — Но есть в тебе отголосок вельского народа. Тонкий, как далёкий звон. Тебе предстоит трудный путь в жизни — путь, полный тернистых дорог, потерь и обретения чего-то поистине важного. Ты всё поймёшь, когда придёт время. Но не позволяй обмануть себя всяким Вороном, что беду на крыльях носят. Я чувствую в тебе силу. Ту самую, что нужна княжеству.

Я моргнула — один раз, другой. Но девушка уже исчезла. Растворилась в молочной пелене тумана так же бесшумно, как и появилась, оставив меня одну на звонкой поляне — наедине с новой, непривычной тяжестью в груди. С новой тайной, которую почему-то отчаянно захотелось раскрыть.

Я почувствовала, как проваливаюсь в мягкую, сонную темноту. И последнее, что я услышала перед тем, как мир окончательно растаял, — это далёкий звон колокольчика и невесть откуда взявшийся шелест молодой листвы.

Занятий сегодня не было, поэтому до назначенной встречи на тренировочной площадке было достаточно, чтобы я ещё успела потренироваться. Хотела найти Ярослава, но не застала его ни в конюшне, ни на кухне и даже не в библиотеке. Как будто сквозь землю провалился, только чтобы со мной не пересекаться. Что ж, тогда придётся одной. Марья помогла мне с подготовкой, и я поспешила на задний двор за усадьбой, за ворота.

Начала с выпадов.

Правая нога вперёд — меч колет воображаемого противника. Левая — блок. Ещё шаг, ещё. Дыхание сбивалось уже на третьем повторении. Мышцы горели, особенно плечи — там, где вчера Доброслав легко, почти лениво, отвёл мою атаку в сторону, и я пролетела мимо, едва не упав лицом в грязь.

— Да что ж ты за воин такой, — прошептала я сквозь зубы и сделала новый выпад злее, резче.

Меч рассек холодный воздух. Я представила перед собой его — Доброслава. Широкоплечего, уверенного, с этой его усмешкой на лице. Он даже не запыхался вчера. А я... я рассыпалась, как прошлогодний снег.

Ещё выпад. Ещё.

Ладони горели от трения о деревянную рукоять. В какой-то момент я заметила на правой ладони красную полосу — начинающуюся мозоль. И почему-то это обрадовало. Зло обрадовало. Пусть болит. Значит, есть за что.

Я закрыла глаза на мгновение — и передо мной встала не тренировочная площадка, а поляна из сна. Серебристая трава, туман по краям, и девушка с глазами цвета весеннего неба. Её голос: «Я чувствую в тебе силу. Ту самую, что нужна княжеству».

— Какая сила, — выдохнула я и сделала новый выпад, с таким остервенением, что меч выписал в воздухе глупую дугу. — Сила не в том, чтобы проигрывать на первой же минуте.

Может, она не о том говорила. Может, сила — это не про меч. Но как иначе защитить княжество, которое даже не моё родное? Или — моё? Отголосок народа Вельска. Что это значит? Почему она сказала про Воронов, которые несут беду?

Я ускорила. Выпады слились в один сплошной ритм: удар, шаг, удар, удар. Пот стекал по вискам, щипал глаза. Я перестала считать повторения. Тело жило само — тянулось, рвалось вперёд, падало и снова вставало.

В какой-то момент я поскользнулась на льду — и рухнула на колено. Меч вылетел из руки в снег, и отскочил в сторону.

Я замерла, тяжело дыша. Смотрела на свои трясущиеся пальцы, на сбитые костяшки, на эту глупую красную мозоль. И вдруг захотелось плакать — от усталости, от того, что всё непонятно, от того, что какая-то девушка из сна сказала больше, чем все живые люди за последние месяцы. И от того, что я правда слабая. Но очень хочу не быть.

— Встать, — сказала я себе вслух. Голос прозвучал хрипло, но твёрже, чем вчера. — Встать и взять меч.

Я поднялась. Подошла к оружию, нагнулась, сжала рукоять. Ладонь заныла, но я не разжала пальцев. Встала в стойку. Сделала выдох — и первый, самый правильный выпад сегодня. Теперь медленнее. Спокойнее. Без злости — только движение, только внимание. Я чувствовала, как работает спина, как напрягается живот, как земля под ногами даёт упор. Я представила не Доброслава. Я представила ту девушку из тумана. Её плавность. Как она двигалась — будто не касалась земли. И вдруг поняла: сила не в том, чтобы бить сильнее. Сила в том, чтобы не рассыпаться после удара.

Я сделала ещё один выпад. Лёгкий. Точный.

В груди разлилось что-то тёплое — не от мышц. Оттуда, где всё это время пряталось тихое: «Ты сможешь. Просто пока не умеешь».

Я тренировалась до тех пор, пока руки не перестали слушаться. В голове кружились обрывки: Вельск, вечная зима, бой с Доброславом, Весна с её предупреждением: «Не позволяй обмануть себя всяким Воронам».

— Не позволю, — прошептала я в дерево. И сама не поняла: кому это обещаю — ей, себе или княжеству, которого почти не знаю, но которое уже почему-то стало болеть во мне, как свежая мозоль на ладони.

Доброслав ждал меня на том же месте, что и вчера. Вельский мороз кусал щёки сразу, как только я вышла за порог. Воздух здесь никогда не пах весной — только снегом, старой золой и железом. Та же ленивая поза — меч на плече, ноги чуть шире плеч. Он даже не разминался. Зачем? Вчера я вылетела за три минуты, как пробка из бутылки, а холод только добавил мне неповоротливости.

— Пришла, значит? — спросил он, и пар вырвался изо рта белым облачком. — А я уж мыслил: после вчерашнего позорища пойдёшь отлеживаться. Али хоть денька три на глаза не покажешься, чтобы сором не встречать.

— Пришла, — ответила я коротко. Голос прозвучал глухо — горло ещё не отошло от утренней пробежки по сугробам.

Он вскинул бровь, заметив что-то в моём лице — то ли тень, то ли блеск. Но переспрашивать не стал. Поднял меч — настоящий, затупленный для тренировок, но всё равно холодный и внушительный. Лёгкий иней поблёскивал на гарде. Я сжала свой деревянный. Ладонь тут же отозвалась болью на свежую мозоль, а пальцы заныли от холода, но я не разжала их — наоборот, вцепилась крепче, будто от этого зависело всё.

Вчера я бросилась на него сразу. Горячо, глупо, с одной только злостью — и сразу поскользнулась на утрамбованном снегу. Он просто играл со мной, как кот с мышкой, пока я пыхтела и махала мечом, теряя равновесие на ледяной корке. Сегодня я не спешила.

Мы встали друг напротив друга. Промёрзшая земля под ногами хрустела. Я смотрела не на его меч — в глаза. Светлые, насмешливые, с прищуром.

— Давай, — сказал он и шагнул первым.

Я продержалась дольше, чем вчера. Гораздо дольше. Я уходила в стороны, ставила блоки, я даже пару раз попыталась атаковать сама — неуклюже, но всё же. Доброслав больше не улыбался. Он двигался быстрее, чем я ожидала, и каждый его удар ложился точно туда, где мне было сложнее всего защититься.

Мои лёгкие горели от холодного воздуха. Плечи ныли после утренней тренировки. Но я не отступала.

А потом я всё-таки ошиблась.

Он сделал обманное движение — короткий замах справа, и я повелась, бросила меч на блок, оставив открытой левую сторону. Доброслав не ударил. Он просто шагнул вперёд, легко отвёл мой меч в сторону и концом своего ткнул меня под рёбра — не больно, но ощутимо.

— Проиграла, — сказал он спокойно.

Я замерла, тяжело дыша. Пар вырывался изо рта рваными клочьями. Внутри всё кипело — от обиды, от усталости, от того, что я так старалась, но снова оказалась на холодной. Ладонь саднила, пальцы не слушались.

— Блять, — выдохнула я тихо, опуская меч и с силой стукнув им по снегу.

Доброслав замер на мгновение, приподняв бровь. Он явно не понял этого слова — неприличного, чужого для здешних мест, — и в его глазах мелькнуло короткое, но живое любопытство. Хмыкнул себе под нос и опустился на корточки напротив меня, положив меч рядом.

— Что ж то ты молвила? — всё же не удержался он, но тут же махнул рукой. — Да ладно, не о том ныне речь. Ты нынче вдвое доле продержалась, нежели вчера.

— Тренировалась, — ответила я, не поднимая глаз. — Выпады. Сотни выпадов.

— Приметил я, — кивнул он. — Стойка твоя пониже стала, и не валишься ты более наперёд, как вчерась. Но есть тут одно, что тебя и губит.

Я подняла голову.

— Сильно больно ты ударить жаждешь. Всякий твой выпад — аки крик: «Аз есмь тут! Аз сильна!» А надобно, дабы удар тихо рождался. Из ног. Из бёдер. Не из лютости, а из самого движения.

Он встал, и протянул мне руку. Я взяла. Его ладонь оказалась тёплой и шершавой, и от этого контраста кольнуло в груди. Он помог мне подняться.

— Гляди, — сказал он и показал медленно одно движение. — Корпус чуток наперёд, нога по снегу скользит, меч же становится частью тебя, продолжением длани твоей.

Я моргнула. Почему-то эта фраза попала точнее, чем его меч минуту назад.

— Попробуй ещё раз, — сказал он и отошёл на пару шагов. — Не на результат. Просто попробуй движение.

Я встала в стойку. Сделала выдох. Представила не его перед собой — представила тот утренний туман и холодную тишину. И сделала шаг. Медленно. Без злости.

— Лучше, — сказал Доброслав, и в его голосе прозвучало что-то новое. — Намного лучше. Нынче ты иная.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня пристально, без усмешки, чуть склонив голову набок.

— Нечто в тебе переменилось, — сказал он тихо, будто сам себе. — Не ведаю, что именно. Но чувю я это. Вчерась ты билась, аки зверек в тенетах. А нынче... нынче в тебе тишина таится. Даже когда промахиваешься.

Я опустила меч и вдруг почувствовала, как горло сдавило — не от холода. Стыд? Нет. Облегчение? Тоже не совсем.

— Я всё равно проиграла, — сказала я хрипло.

— Проиграла, — согласился он, и добавил совсем по-доброму: — Но в следующий раз, может статься, не проиграешь. Ежели запомнишь, что я молвил.

Он поднял с земли свой меч, отряхнул от снега и вдруг слегка толкнул меня плечом — по-свойски, почти по-дружески.

— И перестань так крепко рукоять сжимать. Пальцы оттого быстрее коченеют. А замёрзшие персты — оно уже проигранный бой, ещё до того, как он и начался.

Я посмотрела на свою руку. Красная полоса от мозоли, побелевшие кончики, суставы, которые еле гнутся. И всё же я не разжала меч до самого конца.

— Завтра повторим? — спросила я. Он усмехнулся — мягко, без яда.

— Повторим. Только наперёд руки отогрей. Ишь, всю тебя колотит.

В душе затеплилась надежда. Я уже собралась уходить, когда почувствовала на себе чужие взгляды. Не один, сразу несколько. От этого по спине пробежал холод.

У края площадки, за сугробом и старым поваленным частоколом, стояли четверо. Князь — я узнала его сразу, хоть и не видела его ни разу. Высокий, плечистый, с бородой, тронутой сединой, и тяжёлым, нечитаемым лицом. Рядом — его дочь, тонкая, как свеча, с карими глазами. Чуть позади — Радомир и Деяна.

Сердце ухнуло вниз. Я не знала, сколько они здесь. Слышали ли моё чужое, дикое слово, которое вырвалось от боли и злости? Видели ли, как я стояла на колене, как Доброслав наставлял меня, как поправлял стойку? Мне стало жарко под кафтаном, несмотря на мороз.

Доброслав тоже обернулся, но на его лице не промелькнуло удивления. Только лёгкое напряжение — и он чуть заметно качнул головой, будто говоря: «Всё в порядке. Не бойся».

Я не боялась. Я растерялась.

Князь отделился от остальных и пошёл ко мне. Неспешно, тяжело ступая по скрипучему снегу. Полы его тёмной шубы волочились по насту, и от этого он казался ещё больше, ещё древнее, чем был на самом деле. Вблизи я увидела его глаза — усталые, глубокие, с такими же морщинками в уголках.

— Девица, — сказал он, и голос его прозвучал низко, с хрипотцой, будто он не разговаривал долгое время или говорил слишком много и слишком важного. — Не ведаю, как ты здесь очутилась и откуда путь свой держишь. Но заметил я: меч в руках твоих оживает. Не так, как вчера. А по-живому, по-настоящему.

Я молчала. Горло сдавило — то ли от ветра, то ли от внезапной, ниоткуда взявшейся важности этого мгновения.

— Доброслав — наставник добрый, — продолжал князь, кивнув в сторону парня. — Коль он взялся тебя учить, стало быть, есть в тебе нечто, что глаз его задело. А я, старый, свой глаз ещё не растерял. И чую я: пришло время.

— Время для чего? — спросила я, и голос мой прозвучал хрипло, почти непослушно.

Князь не ответил сразу. Он смотрел на меня долго — так, будто читал что-то, написанное у меня на лбу невидимыми чернилами.

— Познакомиться нам надобно, — сказал он наконец, и в уголках его губ мелькнуло что-то, похожее на грустную усмешку. — Негоже в княжестве быть, имён не ведая. Приходи на обед. Не с пустыми руками, а с сердцем открытым.

Он развернулся и пошёл прочь, не дожидаясь ответа. Дочь взяла под руку, и они двинулись к терему, оставляя за собой цепочки глубоких следов. Радомир с Деяной переглянулись. Боярыня чуть заметно улыбнулась, а боярин просто кивнул, будто подтверждая что-то, давно решённое.

Я стояла на морозе, сжимая в онемевших пальцах деревянный меч, и смотрела им вслед. Внутри всё клокотало — вопросы, догадки, странное, щемящее чувство, будто я только что переступила через какую-то невидимую черту. Ветер донёс откуда-то издалека то ли звон колокольчика, то ли шорох листвы там, где её не могло быть.

Я, конечно, знала, что рано или поздно придётся встретиться с князем — всё же я чужестранка на этих землях. Но увидеть его вот так, безо всякой подготовки. Было тревожно. Славится он человеком хорошим, правителем великодушным. Зовут его Юлиан, а дочь его, с которой он полюбил — Лада. Та самая, коей он подарил огромную библиотеку и любит всем сердцем. С ней мне более всего хотелось познакомиться — уж очень много рассказывает о ней народ: несмотря на хрупкий вид, девушка она сильная, с нравом, прямолинейная, увлекается верховой ездой и стрельбой из лука.

Обед в боярском доме всегда был делом неторопливым, чинным, с соблюдением всех обычаев. Длинный дубовый стол ломился от яств: здесь были и жареные лебеди, и заливная осетрина, и солёные грузди с чесноком, и кубки с хмельным мёдом, от которого шёл терпкий, дурманящий дух. Но сегодня за столом сидели не только свои — боярин с боярыней, несколько дружинников да я на своём привычном месте с краю. Сегодня пожаловал ещё и сам князь с дочерью.

Я видела их впервые. Князь сидел во главе стола, рядом с боярином, и говорил негромко, но так, что каждое слово разносилось по всей горнице. Княжна ж, расположилась по правую руку от него. Она была молода, на вид чуть старше меня, с русой косой, уложенной венцом вокруг головы, и карими, тёплыми глазами, в которых читались и ум, и какая-то скрытая, негромкая сила.

Я опустила взгляд в тарелку, стараясь не привлекать к себе внимания. Моё место за боярским столом давно никого не удивляло — хозяева принимали меня как воспитанницу, и люди

уже привыкли, что я ем с господами, а не в людской. Но князь князь был другой статью. Я не знала, что он думает о моём присутствии.

Между третьей и четвёртой переменной блюд князь вдруг отставил кубок, вытер усы расшитым рукавом и перевёл взгляд на меня. Взгляд был тяжёлым, изучающим, как у охотника, который разглядывает незнакомого зверя.

— Это и есть та девица, — сказал он не вопросом, а утверждением, обращаясь к боярину. — О которой вы мне сказывали.

— Она самая, княже, — ответил боярин, чуть склонив голову. — Пребывает у нас уже кой месяц. К ратному делу приставлена.

Князь помолчал, постучал пальцем по краю стола. Я сидела не дыша, чувствуя, как под его взглядом всё внутри каменеет.

— Подойди, — велел он коротко.

Я поднялась из-за стола, обошла лавку и подошла к княжескому месту. Ноги стали ватными, но я старалась держать спину прямой. Остановилась в двух шагах, поклонилась — не низко, но с должным почтением.

Князь окинул меня взглядом с головы до ног. Без усмешки, но и без злобы. Просто смотрел, как смотрят на вещь, которую надо оценить.

— Худовата, — заключил он наконец. — И бледна. Из такой воина не скроишь.

Боярыня, сидевшая неподалёку, чуть подала голос:

— Усердием берёт, княже. А тело дело наживное.

— Посмотрим, — буркнул князь и махнул рукой, отпуская меня. — Ступай на место.

Я поклонилась вновь и вернулась на своё место, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Худовата. Бледна. Не скроишь. Слова занозой засели под рёбрами, и еда в тарелке перестала существовать.

Княжна, сидевшая напротив, смотрела на меня всё это время, не пряча взгляда. Карие глаза её были внимательными, почти сочувственными, но она ничего не сказала, только чуть прищурилась, будто сделала для себя какую-то заметку.

После третьей перемены блюд княжна вдруг отставила кубок, вытерла губы расшитым рушником и перевела взгляд на меня.

— Ты та самая, — сказала она негромко, но так, что я услышала сквозь гул голосов. — Которую Радомир с Деяной пригрели. Из дальних краёв, кажется?

Я кивнула, не зная, что ответить. Княжна говорила без надменности, но с той лёгкой, привычной властью, какая даётся с рождения.

— А ну пойдём, — она легко поднялась из-за стола, поправила рукав своего парчового летника. — Духота здесь. Покажешь мне ваши покои.

Боярыня бросила на меня быстрый взгляд — в нём не было запрета, только молчаливое позволение. Я поднялась следом, чувствуя на себе несколько любопытных глаз. Князь мельком глянул на дочь, чуть приподнял бровь, но Лада лишь беззаботно пожала плечами и двинулась к выходу. Мне ничего не оставалось, кроме как шагать за ней.

Она отворила дверь в малую гостиную — туда, где обычно боярыня принимала гостей в узком кругу. Здесь было тише, прохладнее; из узкого окна струился сероватый зимний свет, падая на натёртые половицы и резные спинки кресел.

— Садись, — княжна указала на лавку у стены, а сама опустилась напротив, поджав под себя ноги по-домашнему. Теперь, без посторонних глаз, её лицо стало живее, по-девичьи открыто. — Не трясись. Я не кусаюсь.

— Я и не трясусь, — ответила я тихо, но с вызовом. Княжна усмехнулась — не обидно, а скорее с любопытством.

— Смелая. Это хорошо. — Она помолчала, разглядывая мои руки, лежащие на коленях. — Слышала, ты при оружии. Мечом машешь.

— Пытаюсь, — поправила я.

Лада хмыкнула, и в этом звуке не было насмешки. Она поджала губы, будто что-то решая для себя, а потом спросила:

— А верхом умеешь?

Я замялась.

— Не приходилось. В наших краях на лошадях редко ездят.

Лада кивнула, будто ожидала услышать нечто подобное.

— Негоже, — княжна покачала головой. — Без коня воин — аки птица без крылу. Мечом ты, быть может, и завладеешь когда, но без конной езды толку из тебя не будет. Ништо, успеешь навыкнуть. У нас кони дюжие, северные — они не боятся ни снегу, ни наледи.

Она говорила так просто, будто мы сидели с ней за прялками, а не в боярской гостиной. И это подкупало.

— Ты сама едешь? — спросила я осторожно.

Лада усмехнулась уже по-настоящему — широко, с искоркой в карих глазах.

— От пяти зим в седле. Отец сперва кручинился, рек: «Не княжье дело — по конюшням шататься». А потом рукой махнул, когда я на позорище двух его гридней обогнала. — Она чуть придвинулась, умалив глас до единого дуновения. — Тайна сия нехитра: конь чует, кто страшится его. Ты быть должна с ним вкупе, а не свыше. Аще постигнешь — полдела содеяно.

Я кивнула, стараясь запомнить каждое слово.

— А стрелять из лука? — спросила вдруг Лада, и в её взгляде промелькнуло что-то острое, оценивающее.

— Тоже не умею, — призналась я честно. — У нас в тех краях луки редко у кого водились, скорее были просто увлечением, не приносящим большую пользу, как здесь.

Княжна задумчиво провела пальцем по резной спинке кресла.

— Лук — он кажется проще меча с первого взгляду. Натянул тетиву, испустил стрелу. Но по правде — она вздохнула, подыскивая речи, — по правде лук — терпеливость. Меч прощает опрометчивость, всегда можно ударить сызнова, ежели не попала. А с луком у тебя лишь одно мгновение — вдохнуть, выдохнуть и отпустить тетиву как раз в тот час, как надо. Ни часом раньше, ни часом позже.

Она посмотрела на меня с неожиданной серьёзностью.

— Наставлю тебя, ежели пожелаешь. Без конной езды ещё как-то можно пробавиться, но без лучного дела — никоим образом. Настоящий ратник обязан уметь разить цель издали, покуда до меча не добрался.

Я не поверила своим ушам.

— Ты же княжна

— Княжна, что умеет сбить яблоко с темени холопа на тридцати стопах, — прервала Лада с малой насмешкой. — Отец, между прочим, до сего дня не рад. Но пререкаться со мною без толку. — Она вдруг поднялась, оправила летник и протянула ко мне руку. — По рукам, али как?

Я замешкалась лишь на миг. Потом встала и пожала её ладонь — твёрдую, с намётанными мозолями на пальцах.

— По рукам, — ответила я.

Лада улыбнулась — открыто, тепло, совсем не по-княжески.

— Добро. А теперь возвращаемся, а то батюшка, неровен час, решит, что я сбежала в конюшню. Он у меня, ведаешь, мнителен.

Мы вернулись в шумную горницу. Князь мельком глянул на дочь, чуть приподнял бровь, но Лада лишь беззаботно пожала плечами и снова села на своё место, подхватив кубок с мёдом. На меня князь больше не смотрел, и за это я была благодарна. А я опустила глаза в тарелку. Кажется, в этом княжестве у меня появилась ещё одна союзница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.